

АНАСТАСИЯ ШЕРР
ЛИРА ВЕТРОВА

ИЗМЕНА.
ПАПА ПРОСИЛ
МОЛЧАТЬ

Анастасия Шерр

Измена. Папа просил молчать

«Автор»

2026

Шерр А.

Измена. Папа просил молчать / А. Шерр — «Автор», 2026

— Папа просил молчать, — прошептала дочь, закрывая от меня дверь его кабинета. Но я уже видела, как мой муж целует другую. Беременную. Женщину, которую сама приглашала к нам домой. Восемнадцать лет я верила, что у нас крепкая семья. Теперь муж просит потерпеть до рождения его ребёнка, свекровь учит меня быть мудрой, а дочь плачет и боится, что я её разлюблю. Илья уверен, что я поплачу и соглашусь жить по его правилам. Ведь я всегда его прощала. Только на этот раз ему придётся узнать, как выглядит наш дом, когда его в нём больше не ждут.

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

И́змена. Па́па проси́л молча́ть

Ли́ра Ветро́ва

И́змена. Па́па проси́л молча́ть

16+

АННОТАЦИЯ

— Папа просил молчать, — прошептала дочь, цепляясь за мой рукав. Но я уже видела, как мой муж целует другую. Беременную. Женщину, которую сама приглашала к нам домой.

Восемнадцать лет я верила, что у нас крепкая семья. Теперь муж просит потерпеть до рождения его ребёнка, свекровь учит меня быть мудрой, а дочь плачет и боится, что я её разлюблю. Илья уверен, что я поплачу и соглашусь жить по его правилам. Ведь прежде я всегда уступала. Только на этот раз ему придётся узнать, как выглядит наш дом, когда его в нём больше не ждут.

ГЛАВА 1

Дочь вцепилась в мою руку, когда я открыла дверь кабинета мужа. Илья ещё целовал Киру и водил ладонью по её спине, собирая блузку мелкими складками. Я видела его пальцы с обручальным кольцом, ту самую широкую ладонь, под которую восемнадцать лет подкладывала свою. На подоконнике стояли мои контейнеры. Утром я передала их Варе, чтобы они с отцом пообедали, и теперь один был открыт, а на крышке лежала вилка. Кира ела мои голубцы. Эта дикая, крошечная подробность почему-то ранила сильнее всего, и я смотрела на вилку, пока дочь тащила меня в коридор.

— Мам, пойдём! Пожалуйста, пойдём отсюда, — зашептала Варя, дёргая за рукав. На её запястье болталась резинка с жёлтым цветком, которую мы вместе выбирали на рынке. Ей было семнадцать, мне сорок один, и сейчас мой ребёнок пытался увести меня, пока я смотрела, как её отец обнимает любовницу. Я высвободила руку так резко, что дочь стукнулась локтем о косяк, и даже этот звук долетел до меня с опозданием.

Илья обернулся, сохраняя объятие. Лишь увидев папку с замерами, которую я держала под мышкой, убрал ладонь с Кириной спины. Мне потребовалось несколько мучительных мгновений, чтобы понять, что он никак не ожидал увидеть меня здесь. Он рассчитывал, что я останусь в мастерской. Сам утром напомнил, сколько работы накопилось перед гостиничным заказом, и предложил забрать Варю на полдня в салон. А папку я привезла, потому что его монтажник должен был поставить карнизы. Обычный семейный день, в котором каждый кому-то помогал.

— Нина, зайди и закрой дверь, — проговорил муж, поправляя рубашку. Он сделал несколько шагов ко мне, и я упёрлась папкой ему в грудь. Из разошедшейся застёжки выскользнули два листа, один улетел под стол, другой лёг у Кириной туфли. — Здесь сотрудники. Давай поговорим спокойно.

— А ты спокойно целовался? — спросила я, глядя на его рот. Ещё утром эти губы прижимались к моему виску, пока я наливала кофе. Я вспомнила колючую щетину и пожалела, что вообще могу что-либо помнить. — Дверь закрыть, чтобы тебе стыдно перед продавцами не было? А меня стыдиться уже незачем?

Кира отступила к окну. Я знала её почти год, встречала на общих праздниках, принимала от неё букеты к Восьмому марта, слушала рассказы о старой съёмной квартире. Однажды она помогала мне убирать посуду после ужина и долго хвалила нашу с Ильёй кухню. Теперь я разглядывала её блузку, слишком просторную для прежней фигуры, и старалась вспомнить, когда видела её в последний раз. Мысль уже возникла, но я давила её, как давят ненужную слезу в людном месте. Пусть любовница. Пусть он хоть год мне врёт, только бы без ребёнка.

— Нам с Ильёй давно следовало поговорить с вами, — произнесла Кира, поглаживая бок. Она смотрела на мужа, ожидая поддержки, и он повернулся к ней всем телом. Это движение я поняла лучше любых признаний. — Так получилось. Мы сами очень долго пытались разобраться.

— Ты к ней сейчас повернулся, — сказала я Илье. Я едва узнавала свой голос и с трудом сдерживала тошноту. Муж протянул руку, собираясь взять папку, но я прижала её крепче. — Я стою здесь, а ты проверяешь, как она это переносит. Ты хоть понимаешь, что делаешь?

За моей спиной Варя всхлипнула. Я машинально обернулась к дочери, и Кира воспользовалась паузой, чтобы обойти стол. Она двигалась медленно, придерживая живот. Теперь я видела всё, что отказывалась видеть, и смотрела, как Илья отодвигает для неё кресло. Для беременной женщины. Для женщины, которую он привёл в свою жизнь, пока я спорила с ним из-за отпускных и просила починить балконную дверь. Дочь вытирала лицо тыльной стороной ладони и смотрела на отца с испугом, который заставил меня присмотреться к ней.

— Ты знала? — спросила я у неё. Варя схватила мой рукав обеими руками, и папка выскользнула между нами. На полу рассыпались чертежи, ни один человек за ними не наклонился. — Варя, посмотри на меня. Ты об этом знала?

— Папа просил молчать, — выговорила она, захлёбываясь. Илья шагнул к нам, но дочь выставила локоть, защищаясь уже от него. — Он сказал, сам тебе расскажет. Что у вас всё наладится. Мам, я хотела, честное слово, я каждый день хотела!

В кабинете было жарко. Я помнила, что в машине осталась бутылка воды, и вдруг до нелепости захотела добраться до неё, открутить крышку, выпить воды, сделать хоть что-нибудь знакомое. Варя продолжала говорить, сбивалась, путала недели с днями, а я всматривалась в её лицо. По субботам мы завтракали вдвоём. Она показывала мне эскизы для поступления, я напоминала убрать чашку от акварели, мы выбирали ей платье на выпускной. Всё это время мой ребёнок носил в себе чужую ложь. Муж знал, каково ей, и каждый вечер садился с нами ужинать, будто всё было в порядке.

— Не трогай дочь, — потребовал Илья, придвигаясь. Он положил ладонь Варе на плечо, и меня так обожгло злостью, что я закричала на весь салон. Две продавщицы в торговом зале замерли у образцов столешниц. — Нина, ты сейчас наделаешь дел. Ей и без тебя плохо.

— Убери от неё руку! — Я оттолкнула его руку и обняла Варю, прижав к себе так неловко, что её резинка зацепилась за мой браслет. Дочь дрожала, а я чувствовала собственную дрожь и уже различала их с трудом. — Это ты заставил её врать мне! Ты сам! И теперь будешь меня учить, как с ней разговаривать?

Кира заговорила о том, что ей вредно нервничать. Муж повернулся на её голос, и это окончательно помогло мне выйти. Я потянула дочь за собой, оставляя на полу замеры, на подоконнике еду, в кресле беременную женщину. За витриной было солнечно, люди шли с пакетами, курьер разбирался с замком велосипеда. Мне хотелось, чтобы хоть кто-нибудь заметил, что со мной происходит. Хотелось схватить незнакомого человека и заставить выслушать, как мой муж целовал другую, пока наша дочь охраняла дверь.

У машины я долго искала ключи в сумке. Они лежали в наружном кармане, где лежали всегда, но я выворачивала отделения, роняла квитанции, пыталась засунуть обратно тканевые образцы. Варя присела и собирала их с асфальта. Она принесла мне связку ключей на раскрытой ладони и стояла, ожидая, разрешу ли я сесть. От этого ожидания мне захотелось ударить Илью. Я открыла пассажирскую дверь, усадила дочь, обошла машину и осталась снаружи. Руки тряслись так сильно, что вести я бы не смогла.

— Мама, там уже пять месяцев, — сказала Варя через опущенное стекло. Она глядела на колени и разминала мокрый бумажный платок. Я придержала дверцу, потому что ноги вдруг перестали меня держать. — Я думала, ты должна знать. Я больше ничего скрывать не буду.

В салоне появился Илья. Через стеклянную стену было видно, как он говорил с продавщицами и показывал на кабинет, куда ушла Кира. За нами он так и не вышел. Я позвонила Зое, сумев выговорить только адрес, и попросила дочь пересесть назад и села с ней. Варя потянулась ко мне, остановилась, убрала руки под бёдра. Я смотрела на этот её неловкий, испуганный жест и понимала, что сейчас должна её обнять. Должна, потому что она моя девочка. Но первым движением было отодвинуться, и от этого мне стало страшнее, чем от вида другой женщины в руках мужа.

ГЛАВА 2

Зоя приехала на такси и молча взяла у меня ключи. По дороге она несколько раз поправила зеркало, чтобы видеть нас, но с расспросами подождала до дома. Варя сидела, прижавшись к дверце, и всякий раз вздрагивала, когда приходило сообщение. Имя Ильи появлялось и на моём телефоне. Я выключила звук, глядя на фотографию, которую сделала осенью у моря. На ней Илья смеялся, шурился от солнца и протягивал мне мокрый камешек в форме яйца. Я ещё думала, что следующим летом мы снова приедем туда втроём.

Дома осталась утренняя посуда. В хлебнице лежала горбушка, которую я оставила Илье, на стуле висели его джинсы, а стиральная машина закончила полоскать постельное бельё. Я открыла её и зачем-то потянула пододеяльник на себя. Мокрая ткань волочилась по полу, цеплялась за ножку корзины, я дёргала её всё сильнее, пока Зоя не обхватила меня сзади. Тогда я закричала. Уткнулась в бельё и кричала так, что Варя выбежала из кухни, но подруга подняла ладонь, останавливая её на пороге. Моё лицо стало мокрым, футболка промокла, и я уже рыдала, повторяя имя мужа с такой злостью, какой прежде за собой не знала.

— Она беременна, Зой, понимаешь? — Я повернулась к ней, вцепилась в её рабочий фартук, который она даже снять не успела. На ткани осталась белая нитка от наших штор. — Пять месяцев! Я ему шарф вязала, потому что он кашлял. Дура, я сидела ночами и петли считала! А он в это время...

Я попыталась договорить, но захлебнулась рыданиями. Зоя усадила меня на край ванны, убрала бельё в таз и смочила полотенце. Мы были знакомы больше двадцати лет, успели похоронить её отца, поссориться из-за первой общей заказчицы, пережить мой страх закрыть мастерскую. Зоя знала Илью ещё бедным, в куртке с прожжённым рукавом. Когда я родила Варю, именно она привезла нам домой суп, а Илья ел его стоя и плакал от счастья. Я помнила это так отчётливо, что захотела позвонить ему и потребовать вернуть того мужчину. Пусть явится, пусть объяснит, куда делся.

— Сейчас попьёшь, умоешься и решишь, что тебе нужно на этот вечер, — сказала Зоя, прижимая полотенце к моей щеке. В дверь осторожно заглянула Варя и поставила стакан на стиральную машину. Подруга проводила её взглядом. — На всю жизнь сегодня решать рано. А ужин я сделаю. Хоть ругайся, хоть бей посуду, с голоду вас двоих здесь не оставлю.

Варя спряталась в своей комнате. Я переоделась в сухое, прошла на кухню и увидела на столе три кружки. Мы обычно пили из разных, а Зоя достала одинаковые белые, из гостевого набора. Мне стало легче от того, что среди них нет мужниной синей чашки с отбитой ручкой. Подруга занялась едой, оставив нас разговаривать. Дочь вышла по моему зову с красными глазами и села на самый край стула. Её длинные ноги в джинсах выглядели взрослыми, а пальцы, которыми она теребила край рукава, были детскими.

— Когда ты узнала? — спросила я, пододвигая к ней кружку. Варя глянула на меня с такой надеждой, что я поспешно убрала руку. Малейшая забота уже казалась ей прощением, а я ещё даже не понимала, за что должна её прощать. — Мне нужна правда. Сколько бы её ни было.

— Шесть недель назад, — сказала она. Дочь провела ногтем по маленькой царапине на столе, оставшейся от её детского циркуля. — Я пришла к папе раньше, мы собирались за бумагой для рисунков. Она сидела у него на коленях. Я закричала на него, мам. Я правда кричала. Он побежал за мной на улицу и сказал, что всё закончит. Только надо дождаться, пока ей сделают обследование. Он боялся, что ей станет плохо.

Я слушала и отсчитывала недели по собственным делам. Вот мы красили волосы, вот я отвозила Варю на консультацию в художественный институт, вот она вдруг отказалась ехать к бабушке вместе с отцом. Я решила, что она выросла из наших семейных поездок. Обиделась,

пожаловалась Илье, и он предложил оставить девочку в покое. Мне стало тошно от воспоминания, как я благодарила его за понимание. Он знал, что творится с дочерью, и позволил мне считать это подростковым возрастом.

— А сегодня ты зачем была у него? — спросила я. Варя спрятала царапину под ладонью и уставилась в чай. На плите закипала вода, Зоя убавила огонь и вышла в прихожую, давая нам пространство. — Мне он сказал, ты хочешь помочь с образцами. Ты же терпеть не можешь перебирать эти каталоги.

— Я сама попросилась, — призналась дочь, и каждое слово давалось ей с усилием. — Он всё откладывал. Я хотела увидеть, что они правда расстались. Кира приехала, когда я уже была там. Папа велел мне сходить за кофе, я вернулась и увидела твою машину. Я испугалась, что ты зайдёшь раньше, чем он с тобой поговорит. Я всё время чего-нибудь боялась, мам. Просыпалась утром и вспоминала.

Я представила, как она шла с двумя стаканами через дорогу, заметила мою машину и побежала. Мне хотелось прижать её к себе и одновременно спросить, как она могла каждый день целовать меня перед сном. Отец запутал её обещаниями, а она ему верила. И всё же у неё было шесть недель, шесть недель моих обычных счастливых вечеров, за которые теперь приходилось расплачиваться. Я ненавидела в себе эту арифметику. Она казалась мне несправедливой, но цифры продолжали складываться сами.

— Ты помогала ему придумывать командировки? — Я заставила себя произнести вопрос, хотя уже увидела ответ по её лицу. Варя съёжилась и отодвинула кружку. — Тот раз, когда вы якобы ездили на выставку в соседний город. Ты присылала мне фотографию из машины. Вы с ней были?

— Я была у бабушки, — прошептала дочь. По её лицу снова потекли слёзы, а я сидела, вытянув руки вдоль стола, потому что боялась сделать резкое движение. — Он сказал, что едет поговорить с Кирой. Что она устроит скандал у нас дома, если он откажется. Фотография была старая. Мамочка, я хотела, чтобы она отстала от нас!

Я поднялась слишком быстро, и стул ударился о стену. Варя вскочила следом, загородила мне выход, просила дослушать. В эту минуту её лицо было так похоже на Ильино, что я захотела закрыть глаза. Мне следовало обнять её. Вместо этого я попросила отойти. Дочь отступила и опустила глаза, больше не пытаясь меня остановить. Зоя подхватила со стола кружку, которую я задела локтем, и чай пролился ей на руку. Подруга выругалась от боли, а я вдруг пришла в себя от этого бытового, чужого звука.

— Я тебя люблю, — сказала я Варе, опираясь ладонью о стену. Дочь застыла, ожидая продолжения, и я заставила себя договорить, хотя хотелось уйти и запереться. — Но сейчас мне очень больно. Я могу сказать тебе гадость, которую ты будешь помнить всю жизнь. Поэтому побудь в комнате. Пожалуйста, дай мне время.

Варя кивнула и прошла мимо, задев меня плечом. Я осталась в коридоре, где на стене висела фотография с её первого сентября. Илья держал ранец, я поправляла дочери бант, а Варя хохотала, потому что ей щекотало ухо. Я сняла рамку с крючка и положила на комод. Под ней нашлось светлое пятно, вся остальная стена выгорела. Восемнадцать лет нельзя было убрать так, чтобы ничего от них не осталось. Я стояла перед этим пятном, когда в замке повернулся мужнин ключ.

ГЛАВА 3

Илья принёс продукты. Увидев два пакета, я даже отступила, настолько нелепыми показались мне торчащий багет и зелёные яблоки в прозрачной плёнке. Он поставил покупки на пол, снял куртку и посмотрел на меня привычным вечерним взглядом. В нём уже угадывалась усталость человека, которому предстоит неприятный разговор. С той же усталостью он выслушивал жалобы покупателей на цвет фасадов. Я ждала, что он заговорит о случившемся, а муж посмотрел на мои босые ноги и спросил, почему я хожу по холодной плитке.

— Ты зачем яблоки купил? — спросила я. Вопрос прозвучал глупо, но всё остальное теснилось в голове, мешая выбрать слова. Илья поднял пакеты, собираясь пройти на кухню, и я загородила дорогу. — Здесь жить собрался? Поужинать пришёл?

— Здесь мой дом, Нина, — произнёс он и заметил Зою. Подруга стояла в кухонном проёме, держа обмотанную мокрой тканью руку. Илья поджал губы, и я поняла, что её присутствие ему мешает. — Зоя Николаевна, спасибо, что помогли. Дальше мы сами разберёмся.

— Я останусь, — сказала она, бросая тряпку на край раковины. В её голосе было столько будничного спокойствия, что мне захотелось заплакать от благодарности. — Пока Нина меня не попросит уйти, я здесь посижу. А продукты можешь сам убрать. Всё равно знаешь, что куда.

Илья промолчал, поставил пакеты на кухонный стол и пошёл в спальню. Я двинулась за ним, чувствуя себя чужой в комнате, где выбирала каждый метр ткани. Он закрыл дверь, достал из кармана телефон и положил на подоконник. Я проследила за ним и увидела на нашем кресле его домашнюю кофту, свёрнутую мной после стирки. Хотелось схватить её, швырнуть в него, разбить стекло, но я села на край кровати. От злости меня трясло, а муж стоял и ждал, когда я успокоюсь для разговора, который должен был облегчить ему жизнь.

— Сколько? — Я подняла на него глаза, цепляясь пальцами за покрывало. Мне важно было услышать это от него, чтобы перестать искать оправдание в случайности. Илья потёр переносицу, отодвинул стул и сел напротив. — Только без твоего «так вышло». Сколько месяцев ты с ней спишь?

— Восемь, — ответил он после паузы. Я опустила голову и увидела у себя на коленях разошедшийся шов на домашней футболке. Всё собиралась зашить его, да руки не доходили. — Я собирался сказать. Искал момент. У Вари выпускной год, у тебя большой заказ, у Киры беременность. Ты думаешь, мне легко?

Восемь месяцев включали нашу поездку к морю. Включали мою простуду, когда Илья варил бульон и ругался, что я работаю с температурой. Включали ночь, когда я проснулась от его руки на своём животе и лежала счастливая, боясь пошевелиться. Он уже приходил ко мне от другой женщины. Я поднялась с кровати и откинула покрывало, как если бы могла найти под ним вещественное доказательство. Чистая простыня пахла порошком. Сегодняшнее бельё осталось в тазу, и я вдруг вспомнила, зачем утром запустила стирку. Вчера муж ночевал дома.

— Зачем ты ко мне прикасался? — спросила я, обернувшись. Илья тоже встал, но я выставила ладонь, удерживая его на расстоянии. — Вчера зачем? Ты уже знал, что у тебя там ребёнок, уже водил её по врачам, а ночью лёг со мной. Ты меня хоть немного пожалел?

— Потому что ты моя жена, — сказал он с такой уверенностью, что я рассмеялась. Смех получился резким, чужим, и Илья поморщился. — Я тебя люблю, Нин. Всё сложнее, чем ты сейчас представляешь. С ней у нас случилось, но я же восемнадцать лет жил с тобой. Это никуда не делось.

Я смотрела на мужчину, который считал нашу жизнь доказательством своего права продолжать. Он напоминал мне о счастливых годах, надеясь, что ради них я закрою глаза на измену. Ему казалось, этого достаточно, чтобы я отступила, села рядом и начала искать выход для нас троих. Когда-то я уже умела решать за него неприятные дела. Разговаривала с его мате-

рю, когда он задолжал ей деньги, мирила с приятелем, которому он отказал в работе, звонила раздражённым заказчиком. Теперь мне предлагали разобраться с беременной любовницей и собственной болью.

— Выход у тебя был восемь месяцев, — сказала я. Муж подался ко мне, собираясь возразить, и я повысила голос. — Каждый день был! Ты мог остановиться в любой день. А ты заставил Варю охранять тебя от меня. Почему она должна была врать за тебя? Я тут думала, у ребёнка экзамены на уме, а она боялась разрушить семью!

— Я попросил её дать мне время, — резко произнёс Илья. Он тоже начинал злиться, и в этом раздражении я узнала мужа лучше, чем в попытках говорить о любви. — Она увидела то, чего видеть не должна была. Мне надо было как-то её успокоить. Я что, должен был при ней Киру вытолкнуть? У женщины ребёнок от меня!

В дверь постучали. Варя вошла, держа мой телефон, и остановилась у стены. Илья хотел обнять её, но дочь передала телефон мне и убрала руки за спину. Звонила его мать. Я сбросила звонок, глядя на лицо мужа, и увидела, как он перестал сердиться. У него стало виноватое выражение, совсем другое, чем при разговоре со мной. Значит, мать уже знала. Значит, ещё один человек сидел со мной за столом, принимал пирог, спрашивал о тканях и позволял мне жить в неведении.

— Бабушке ты что рассказал? — спросила я у Ильи. Варя повернулась к нему, ожидая ответа вместе со мной. Муж взял телефон с подоконника, посмотрел на него и убрал в карман. — Что жена надоела? Что дочь помешала? Что новую семью завёл, а мы мешаем освободить квартиру?

— Про квартиру даже не начинай, — отрезал он. На кухне что-то упало, Зоя выругалась вполголоса, и на фоне этого шороха муж заговорил тише. — Я предлагаю пожить спокойно до родов. Кира сейчас в съёмной квартире. Никто вас отсюда не выгоняет. Будем решать постепенно. Я буду приезжать, помогать, всё оплачивать. Ты только прекрати устраивать войну.

Я поняла его предложение до конца. Дом для меня и дочери, другая квартира для Киры, сам Илья между ними, всем нужный, всем обязанный, всеми оправданный. До родов оставалось несколько месяцев. Он хотел, чтобы я прожила их, ожидая новостей о его ребёнке, принимала деньги, ела купленные им яблоки и берегла настроение дочери. Мне стало так мерзко, что пришлось сесть. Я взяла край покрывала и начала складывать его, выравнивая угол к углу. Муж смотрел с облегчением, приняв это за возвращение к разуму.

— Собери вещи на несколько дней, — сказала я, разглаживая ткань ладонью. Илья открыл рот, а я подняла голову и посмотрела на него. — Сегодня ты здесь спать не будешь. Ты можешь спорить о правах на квартиру, можешь вызвать кого угодно, но я лягу в другой комнате и закроюсь. А Варя опять будет слушать нас всю ночь. Выбирай, что тебе важнее на этот вечер.

Он посмотрел на дочь. Варя плакала молча, вытирая лицо рукавом, и впервые за весь вечер Илья заметил, во что превратил её день. Муж снял с полки дорожную сумку. Я вышла, пока он складывал вещи, и села на кухне, где Зоя разложила по тарелкам макароны. Он ушёл через двадцать минут, оставив свой ключ на крючке и обещав позвонить утром. Варя проводила его только до прихожей. Когда дверь закрылась, я встала и повернула внутреннюю задвижку, хотя знала, что у него есть запасной комплект в салоне.

Ночью я всё-таки открыла наш накопительный счёт. Мы откладывали на учёбу Вари и ремонт, доступ был у обоих, но обычно я только проверяла пополнения. За последние месяцы Илья вывел оттуда большую часть денег. В назначении одного перевода значилось имя Киры. Я сидела на кухне перед остывшими макаронами и листала операции, узнавая дни, когда мы обсуждали, как сэкономить на выпускном платье. В соседней комнате всхлипывала дочь. Я сохранила выписку, отправила Илье вопрос, куда делись деньги, и закрыла приложение. До рассвета так и не смогла заставить себя лечь в нашу кровать.

ГЛАВА 4

В мастерской я просидела полчаса, держа на коленях свёрнутую ткань. Зоя предложила мне заняться раскроем, но я всякий раз останавливалась, услышав машину за окном. Илья должен был позвонить, приехать, написать что-нибудь, после чего станет понятно, как жить дальше. Я ненавидела это ожидание и поглядывала на телефон. Когда муж наконец написал, оказалось, ему нужна синяя рубашка, оставшаяся дома. Он попросил передать её через Варю. Я набрала длинный ответ, стёрла и положила телефон под ткань, чтобы больше его не видеть.

— У тебя тоже так было? — спросила я Зою. Она перестала разбирать коробку с нитками и села рядом. Её муж умер несколько лет назад, и я тут же пожалела о вопросе. — Прости. Я совсем одурела. Сравнила, господи.

— Я ждала, что дверь откроется, — сказала подруга. Она взяла у меня ткань и аккуратно сложила, освобождая мне руки. — Знала, что никто не придёт, и всё равно ждала. Но тебе сейчас от моих воспоминаний легче не станет. Что ты хочешь ему сказать? Говори мне. Сколько нужно, столько и говори.

Я открыла рот и заплакала. Никаких достойных слов у меня не было. Хотелось спросить, чем Кира лучше, почему он выбрал её, куда делись мои восемнадцать лет и можно ли всё переиграть, если я стану другой. От этих вопросов было стыдно. Я повторяла их, перескакивала с одного на другой, ругала себя за лишние килограммы, за вечера над выкройками, за то, что перестала носить красивое бельё каждый день. Зоя слушала, пока я не договорилась до намерения перекрасить волосы. Тогда она взяла меня за плечи и заставила посмотреть на неё.

— Ты ему восемнадцать лет подходила, — сказала подруга. У неё покраснели глаза, и я поняла, как трудно ей сидеть спокойно, пока я разбираю себя на недостатки. — Ты болела, поправлялась, худела, злилась. Он тоже менялся. Кира появилась в его жизни потому, что он её туда пустил. От того, что ты перекрасишься, он честнее не станет.

Я знала это. Умом могла бы объяснить другой женщине то же самое, посоветовать ей поесть и перестать разглядывать фотографии любовницы. Сама же уже нашла Кирину страницу и увеличивала каждую фотографию, изучая её шею, улыбку, гладкую кожу на руках. Хотелось обнаружить некрасивый снимок, неудачный ракурс, грубую подпись. Там была обыкновенная молодая женщина, которая улыбалась в кафе, держала цветы, сидела в кресле у окна. На одной фотографии я узнала кафе, куда мы с Ильёй заходили во время поездки к морю. В зеркале за Кириной спиной отражался мой муж с телефоном. Снимок она опубликовала до нашего отпуска. Он уже сидел там с ней, когда привёл меня и советовал попробовать пирог.

— Зачем я это смотрю? — спросила я, отдавая Зое телефон. Подруга закрыла страницу и положила его на дальний край стола. Мне захотелось тут же забрать обратно и проверить дату снимка. — Я ведь всё уже знаю. Мне надо увидеть, как он её целует, чтобы окончательно сдохнуть? Почему я сама себе это делаю?

Зоя обняла меня, и я опять расплакалась, теперь тише. За дверью раздался стук, в мастерскую заглянул Михаил, наш сосед по зданию. Он снимал помещение второй год, печатал вывески и иногда помогал занести длинные рулоны. Увидев меня, он остановился и спросил только, нужно ли что-нибудь привезти. Я ответила, что развожусь, сама удивившись тому, как легко выговорилось это слово. Михаил кивнул, вышел и через несколько минут оставил у Зои пакет с горячими булочками. Позже я съела одну, впервые за сутки почувствовав вкус еды.

Илья приехал вечером, когда Зоя уже ушла. Я осталась ненадолго, потому что боялась возвращаться в квартиру и увидеть Варю, снова ожидающую от меня правильных слов. Муж вошёл, остановился в дверях и внимательно меня осмотрел. В руках у него была моя папка, оставленная в кабинете. Он собрал рассыпавшиеся листы, заменил сломанную застёжку, даже

стёр грязь с пластика. Эта знакомая старательность едва не сломала меня. Я помнила, как он чинил Варину заколку, усевшись под лампой с маленькой отвёрткой.

— Я видел твой вопрос про счёт, — сказал Илья. Он положил папку передо мной и потянул стул. Я сидела неподвижно, сцепив руки под столом. — Деньги верну. Часть ушла на аренду квартиры, часть на машину Кире. Она подержанная, ничего особенного. Я буду обеспечивать Варю, ты ведь знаешь.

— Мы отказали ей в дополнительных занятиях, — произнесла я. Муж отвёл глаза, и мне захотелось схватить его за лицо, заставить смотреть на меня. — Ты сказал, это дорого. Я уговаривала дочь потерпеть с новым планшетом, искала преподавателя дешевле. А ты в это время покупал Кире машину. Ты хоть раз слышал, что я говорю тебе по вечерам?

— Я слышал про занятия, про ремонт, про ткани, — ответил он с раздражением. Илья провёл рукой по столу и стёр с пальцев меловую пыль. — Ты всё время решала какие-то задачи. Я приходил и получал список. Купить, починить, заплатить, съездить. У Кире я мог хотя бы посидеть и почувствовать, что нужен сам по себе.

Я устала на него, поражённая тем, как легко восемнадцать лет заботы превратились в обвинение против меня. Я готовила ему ужин, слушала, когда он ругался на сотрудников, просыпалась среди ночи от его кашля. Вспомнила всё это и почувствовала ещё большую злость, потому что теперь должна была оправдываться за обычную семейную жизнь. Кире он приносил себя, уже накормленного, выстиранного, освобождённого от домашних хлопот. Она получала мужчину, которого я отпускала отдохнуть после трудного дня, и благодарила за внимание.

— А кто должен был покупать, чинить и платить? — спросила я. Муж пожал плечами, и я стукнула ладонью по столу. — У нас ребёнок, дом, родители! Когда у тебя мать лежала после операции, я ездила к ней. Когда у Вари была температура, я сидела. Ты жил в семье, Илья. У тебя были обязанности, как у меня. Если тебе хотелось посидеть молча, можно было мне сказать. Можно было обнять меня, вместо того чтобы уходить к ней!

— Я рядом с ней чувствовал себя другим, — выговорил он. В этой фразе хотя бы было меньше попытки обвинить меня, и я замолчала, давая ему продолжить. Илья посмотрел на свои руки. — Она смотрела на меня так, как ты давно уже не смотришь. Я понимал, что делаю дурость. Всё думал, закончу, и никто не узнает. Беременность всё изменила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.